

I

До чего хорош город в начале октября! Все вокруг дышит покоем, все притаилось в ожидании предстоящих перемен. Уж отгорели краски бабьего лета, ушло его обманчивое тепло, наступили первые заморозки, и в воздухе задрожала сизая дымка — словно тончайшая кисея окутала сиротливые аллеи, дороги, дома. На горизонте она слилась с поблекшим небом, отчего городской пейзаж утратил реальные очертания и цвета. Город будто парил над землей — размытый, невесомый, призрачный.

«Акварель Тернера, да и только! Ускользающий мираж, — подумала Лариса, устремив задумчивый взгляд в перспективу улицы. — Вот и зима где-то рядом, подкралась неслышно, ждет своего часа. А лето ушло — не вернется. Разве я почувствовала его за всеми делами? Нисколько. Даже майские впечатления от Египта уже потускнели. Или мы заелись со-

всем? Чем разнообразней и плотнее график жизни, тем выше требования — иначе все кажется пресным и мимолетным. Кстати, о зиме. Надо бы на кладбище съездить, навести порядок. Бархотки хоть и цветут еще, но лучше убрать, а то весной тяжело смотреть...»

Резкий, нетерпеливый сигнал позади идущего автомобиля вывел Ларису из состояния лирической грусти. Мысль оборвалась, и внимание переключилось на светофор.

Она ехала в своей «Тойоте», привычно огибая знакомые трещины и колдобины, припаркованные на обочине многочисленные авто, группу дорожных рабочих, проводивших «ямочный» ремонт перед зимой, а думы текли уже по другому руслу. Лариса вспоминала вчерашний вечер, неприятный разговор с женихом. С Денисом Азаровым.

После душа они сидели на диване перед телевизором и курили. Денис долго молчал, покашливал, очевидно не решаясь на откровенный вопрос, но все же спросил — чужим, хрипловатым голосом:

— Скажи, ты как в свое время простилась с девственностью, тоже от скуки?

— Что? — не поняла Лариса и, оторвавшись

от экрана, уставилась на Дениса рассеянным взглядом.

— Твою холодность не берут ни коньяк, ни порносайты, на которые мы пялимся в последнее время перед тем, как лечь в постель. К слову сказать, мне такой разогрев ни к чему. Слава богу, импотенцией не страдаю, зажигаешь меня только ты, а не эти компьютерные телки.

— Надо же, — она слегка опешила, не зная, что говорить. — А мне казалось, тебе это в кайф. Почему ты до сих пор молчал?

— О чем?

— Ну... что тебя не устраивает такой секс.

— Ларка, ты же умная женщина, не притворяйся дурочкой. Ладно?

— Хорошо, не буду.

— Ты не любишь меня — вот причина твоей холодности. А все эти спектакли для того, чтобы скрыть это.

— Какой тонкий психоанализ! — рассердилась Лариса и вскочила с дивана. — Тебе бы в психологи пойти, а не коммерцией заниматься.

— Напрасно ты злишься. Я не оскорбляю тебя, а всего лишь констатирую факты.

— Хороши факты! И это говорит мне же-

них накануне свадьбы! Приехали, дальше некуда!

Она подошла к окну, с треском раскрыла фрамугу, глубоко затянулась сигаретой, сгоряча не чувствуя волны холодного воздуха, ворвавшейся в комнату.

— Хочешь, приведу еще один аргумент в свою пользу? — с вызовом спросил Денис, немело пряча застарелую боль.

— «В свою пользу»? Можно подумать, ты заранее готовился к нашему поединку, — фыркнула Лариса.

— Ни к чему я не готовился. Во мне это давно копилось, а сегодня просто прорвало...

— Ну и что за аргумент?

— Любящая женщина по-другому бы реагировала на подобное заявление мужчины.

— И ты знаешь как?

— Знаю. Она не устроила бы пикировку, а просто обняла и постаралась успокоить или... Короче, все у нас не так. Трудно объяснить словами, да и ни к чему. Ведь ты и так все понимаешь.

«Да, я все понимаю, — вздохнула Лариса, поворачивая с главной улицы в небольшой переулок, где располагался ее офис. — Всю ложь и безнравственность своего поведения. Что ж,

пришла, видно, пора назвать вещи своими именами. Как бы ни оправдывали нынче брак по расчету, в какие бы одежды его ни рядили, он был и остается дурно пахнущей сделкой. И пусть статистика говорит в пользу таких браков, но в большинстве случаев расчет — это обман искренне любящего и верящего тебе человека. Как низко и жестоко мы поступаем, изображая чувства, которых нет на самом деле».

Нажав на брелоке с ключами кнопку сигнализации, она взбежала на высокое крыльцо офиса, занимавшего одну из квартир пятиэтажки. В приемной ее встретила Синара, полная шатенка сорока лет, флегматичная, даже томная, но при этом очень смышленная и деловитая.

— Здравствуйте, Лариса Сергеевна! Сегодня все как с ума посходили — звонят и звонят! Куда только не приглашают! Даже требуют. Начну с налоговой...

Плавным движением округлой кисти с пухлыми пальцами, унизанными ювелирным ширпотребом, она раскрыла блокнот и начала перечислять звонивших абонентов. Лариса слушала вполуха, расстегивая куртку и разматывая на шее шарф.

— Кто-кто? — переспросила она, остановившись на пороге своего кабинета.

— Филипченко с молокозавода.

— Нет, раньше, до него...

— Помощник Сопронова, зам. главы администрации...

— По какому делу?

— Приглашают на совещание, завтра, в 16.00.

— Хм! Опять в спонсоры агитировать? Сколько можно?

— Не знаю, — пожала плечами Синара и величественно уселась за компьютер. — Вам кофе сварить, Лариса Сергеевна, или попозже?

— Попозже, — бросила Лариса, закрывая за собой дверь.

Ее стол, как всегда по утрам, представлял собой идеал чистоты и порядка. Оставленные с вечера завалы папок и бумаг, разбросанные где попало ручки и карандаши и прочая канцелярская дребедень обретали свои истонные места благодаря стараниям невозмутимой Синары. Так что к приезду хозяйки кабинет выглядел безукоризненно.

Начался обычный рабочий день, в меру суетливый, в меру стрессовый, в котором хватало как позитивного, так и негативного. Лари-

са была в родной стихии — звонила, давала распоряжения, требовала, уговаривала, обещала — словом, вела свой бизнес. До обеда она успела съездить в два места к своим контрагентам и обсудить с ними общие дела, а в обед уже сидела за столиком уютного кафе, где ее знали как постоянного клиента. Прихлебывая чай из изящной фарфоровой чашки, она любовалась кустами барбариса, что рос под окнами. Его бордовые, коралловые и желто-коричневые листочки, густо облепившие стриженные ветки, напоминали по колориту дорогие бухарские ковры. «Искусство человека никогда не достигнет вершин природной красоты, — подумалось Ларисе. — Как бы он ни изощрялся в своем творчестве, такое божественное великолепие невозможно повторить. Художник лишь передает свое впечатление, а нерукотворный образ природы недосыгаем. Хотим мы того или нет, он властвует над нами. Так было всегда и будет после нас».

После нас... А после нее? Что оставит она? Хорошо налаженный бизнес? Но для кого? Она мечтала о семье, ребенке... Денис, Денис! И к чему он затеял этот неприятный разговор? Только все испортил. Теперь нельзя вернуться к прежним отношениям. Их про-

сто-напросто нет. Все кончено. О какой свадьбе может идти речь, если невесту разоблачили, как какого-нибудь мелкого воришку? Можно, конечно, разыграть оскорбленную невинность, а что потом? Снова игра? Нет! Это противно, в конце концов! Она не любит Дениса. Он прав. Чувства, которые она испытывает к нему, на любовь мало похожи.

Лариса вдруг представила, как после работы едет не к себе, в уютную двухкомнатную квартиру, а в коттедж Дениса, огромный домик, напичканный современной бытовой техникой, где ее никогда не покидало ощущение временности пребывания, как в фешенебельном отеле — удобном, но все же чужом жилье. А ведь после свадьбы им придется обитать в этом доме каждый день бок о бок. Если раньше они ходили друг к другу в гости, успевая соскучиться за несколько дней, то новые обстоятельства заставят их быть все время вместе — и ночью, и утром, и вечерами. Готова ли она к такому резкому повороту судьбы? Если честно, то нет, нет и еще раз нет! Только не с Денисом! Он утомляет ее, он давит на нее, ей бывает с ним неинтересно, скучно, даже тягостно. Конечно, он славный — умный, образованный, солидный мужчина. Но почему

ее охватывает паника при одной мысли, что ее свободе угрожают? Она перестанет безраздельно принадлежать себе — своим планам, мечтам и досугу. Отныне и навсегда ее мир наполовину, а возможно и на три четверти, займет другой человек, со своими взглядами и привычками, которые во многом, она знает это, разнятся с ее собственными.

Господи, но ведь ее никто силком под венец не тащит! Она сама хозяйка своей судьбы. Так долой мещанские предрассудки, и полный вперед, под тем же флагом на родном корабле, где она сама себе и капитан, и штурман!

К предрассудкам Лариса относилась мнение окружающих: родных, друзей, сослуживцев. Все они так или иначе будут удивлены ее решению, а кое-кто, например Зинаида Романовна (будущая свекровь), злорадно усмехнется, дескать, чего еще ждать от вздорной и самонадеянной бизнесвумен.

Их отношения с матерью Дениса не сложились с самого начала. Невзлюбила эта повосточному красивая женщина новую подружку сына, хоть ты лопни! Лариса болезненно переживала ее нелюбовь, но виду не показывала. Напротив, на совместных вечеринках подчеркнуто тепло и непринужденно обраца-

лась к ней то за советом, то с комплиментом, то с «жалобой» (на деле тонко замаскированной похвалой) на Дениса. Напрасно! Зинаида Романовна на каждую ее фразу отвечала весьма сдержанно, да еще с холодной усмешкой на полных губах. Своими агатовыми миндалевидными глазами она словно насквозь видела потенциальную невестку с ее старанием понравиться. Что скрывалось за ее усмешкой, Лариса так и не поняла. Спрашивать у Дениса было бесполезно. Он обожал мать, свято верил в ее непогрешимость, был слеп и глух к ее недостаткам.

Семейная история Азаровых была непростой, со своими тайнами. Родители Дениса поженились на четвертом курсе техникума, по страстной любви, но спустя десять лет разошлись. А точнее, Зинаида Романовна бросила мужа и, оставив его вдвоем с семилетним Дениской, умчалась за феерической, неземной любовью в лице бородача-геолога, ведущего разведку северных нефтяных месторождений. Но что-то у них не сложилось, а может, просто устала молодая красавица скитаться по бездорожью и жить в вагончиках, без элементарных бытовых удобств, кто знает? Вернувшись через два года обратно, Зина застала

бывшего мужа с новой женой Вале́й, правда не законной, а гражданской, но это ничего не меняло. Алексей Иванович Азаров не соби­рался ничего менять в своей новой жизни. Оставив Зине квартиру, в которой они вместе прожили шесть лет, Алексей Иванович, в то время уже начальник цеха на машиностроительном заводе, ушел с Вале́й в съемную комнату, а вскоре переехал в двухкомнатную квартиру в новой девятиэтажке. Вопросы, с кем останется Денис, не возникало, так как мальчик, соскучившись по матери, любя родительницу какой-то болезненной любовью, не отходил от нее ни на шаг, даже в школу поначалу отказывался ходить, боясь, что по возвращении оттуда снова ее не застанет, потеряет, как это случилось в первом классе. Отцу, прикипевшему к сынишке за эти два года, при разводе пришлось, как говорится, резать по живому. Одно дело — расстаться с неверной женой, и совсем другое — с любимым сыном, со своей кровью и плотью, частичкой самого себя. А со временем вышло так, что Денис и вовсе стал его единственным ребенком, потому что Валентина оказалась бесплодной.

В обществе Азарова-старшего Лариса была всего один раз, когда их с Денисом пригла-

силы на юбилей. Алексею Ивановичу стукнуло пятьдесят. Он занимал высокую должность на том же заводе, был всеми уважаемым человеком, к тому же очень интересным, импозантным мужчиной. Их внешнее сходство с Денисом бросалось в глаза, но внимательный Ларисин взгляд подметил существенную разницу в характерах отца и сына. Манеры Дениса, суетливые, нервные, порой раздражали Ларису, в то время как неторопливые, гармоничные жесты и походка Алексея Ивановича производили приятное впечатление. Со сдержанной галантностью он пригласил на танец Валентину, легко и непринужденно повел ее под музыку Свиридова, с чарующей улыбкой нашептывая на ушко какие-то слова. Смотреть на них было сплошным удовольствием. Правда, молодой женский взгляд Ларисы не упустил и кое-что другое. Когда тебе только двадцать восемь, в глаза невольно бросаются чьи-то варикозные вены на ногах, расплывшаяся талия и второй подбородок. Модная прическа и красивое платье из бутика не могли скрыть от Ларисинога взгляда стареющее тело Валентины. В молодые годы мы бываем жестоки в своих оценках, особенно по отношению к старшим. Жестокость эта не зло-

намеренна, а естественна, беспечна, глупа, так как проистекает из физического превосходства цветущей молодости над увяданием.

Тем декабрьским вечером Денис, нервно сжимая локоть Ларисы, подвел ее к отцу и представил как невесту. Она улыбнулась и протянула руку. Алексей Иванович ответил крепким рукопожатием, чуть-чуть задержал пристальный взгляд на ее лице, но от улыбки воздержался. Лишь в серых глазах что-то сверкнуло: не то какой-то особый интерес, не то удивление. Именно этот взор, загадочный, мимолетный, остался в ее памяти. Так бывает, когда в душе откладывается нечто поразившее нас, затронувшее наши струны, но мы не отдаем себе в этом отчета. И лишь по прошествии времени вдруг понимаем — память не зря запечатлела именно этот образ, этот момент, этот штрих.

Позднее, на новогодней вечеринке, Лариса случайно подслушала разговор Дениса с матерью. Он нехотя отвечал на ее пристрастные вопросы, касавшиеся недавнего юбилея. Зинаиду Романовну интересовало многое: кто был приглашен, как выглядел именинник, какие подарки ему поднесли? Наконец сделав паузу, она с усмешкой спросила про Валенти-

ну: в каком платье была эта библиотечка? Денис нервничал, пытаясь отделаться нейтральными фразами, но мать упорно продолжала свой допрос, пока им не помешала одна из молодых женщин, бесцеремонно утянувшая Дениса на очередной танец.

Уже дома, отдыхая от праздничной кутерьмы, Лариса вспомнила подслушанный диалог, и внезапно ее осенило — Зинаида Романовна по-прежнему любила бывшего мужа. Да-да, это была любовь, а не простое бабье любопытство. Неожиданное открытие стало для Ларисы приятным сюрпризом. Так ей и надо, радовалась она. Значит, и она уязвима — вечно насмешливая, высокомерная дама с повадками сытой тигрицы. Пусть страдает, как все нормальные люди, пусть мучается, представляя полный гостей зал ресторана и бывшего мужа под руку с другой женщиной. «Библиотечка»! Вот, значит, как небрежно и оскорбительно окрестила она свою соперницу! А ведь, если честно, то «библиотечка» во многом уступает Зинаиде. И фигурой, и лицом, и умением одеваться.

Тогда что он нашел в ней? Этот вопрос интересовал уже саму Ларису. Чувства Зинаиды Романовны ее не трогали. Ни капли сожаления

ния не вызывала в Ларисе женщина, которая в скором времени должна была стать ее свекровью. В глубине души Лариса испытывала стыд за сии грешные мысли, но ничего не могла с собой поделать.

Но теперь все это в прошлом. Назад дороги нет. Она окончательно решила порвать с Денисом, причем не на уровне банальной ссоры, а после серьезного и по возможности спокойного разговора.

Ох, как не хочется снова лезть в дебри их сложных отношений, вновь обвинять друг друга, причиняя тем самым дополнительную боль. Как не хочется! Но никуда от этого не уйти. У судьбы в запасе не только веселые праздники.

Мелодичные позывные мобильника вернули ее в реальность. Звонкий голос подруги, казалось, был слышен всем посетителям небольшого кафе:

— Ларка, привет! Ты где?

— В кафе.

— Одна?

— А что?

— Кончай свои встречные вопросы! Я девушка деликатная. А вдруг мешаю твоему бизнесу или, не дай бог, интимной жизни?

— Успокойся, я одна.

— Надеюсь, ты не забыла, кто явился миру четырнадцатого октября в энном году прошлого века?

— Ой, Викуша, кажется, забыла. Но теперь вспомнила...

— Ага. После такого напоминания даже дурак вспомнит.

— Прости, я немного задумалась. Дел столько, что...

— Ладно, прощаю. Ну и какие будут предложения?

— Это ты у меня спрашиваешь? Но день рождения-то все-таки твой, так что не морочь голову и приглашай.

— Хорошо, приглашаю в «Желтый тюльпан». Только без твоего Дениса.

— А что ты имеешь против моего жениха?

— Господи, Хомутова! Такого пресыщенного метросексуала — и в занюханый «Тюльпан»? Не смейся! Нет уж, давай останемся по разные стороны баррикад. Мы — бедные, но гордые — с одной стороны, а все остальные — с другой.

— Но если я выйду за Дениса, то сразу же окажусь по другую сторону. И что тогда? Дружбе конец?

— По-моему, ты и так не на вшивое пособие живешь, так что не прибедайся. Ладно, хорош париться, Ларка, устроим девичник. Прекрасная возможность перемыть кости всем мужикам. Встречаемся в кафе, в шесть часов. Не опаздывай! Пока!

На совещание собралось много народу: чиновники всех мастей, директора школ, предприниматели. Разговор, давно назревший, злободневный, шел волнообразно — то разгорался, то затухал, то оживал новым эмоциональным всплеском. Вел совещание заместитель главы администрации — Сопронов, сорокапятилетний мужчина с грубоватым крестьянским лицом и мощными руками. Он энергично размахивал ими для пущей убедительности:

— Вот тут Валерий Николаевич об охране школы говорил, мол, усиливать ее надо, не жалея денег, но никакие охранники и решетки не спасут от детской наркомании и преступности. Надо смотреть в корень, так сказать! Детей надо готовить к взрослой жизни, прививать им навыки будущей профессии. Школьных уроков труда и кружков в Доме детского творчества явно не хватает! Так ска-

зять, чтобы учесть их сокровенные мечты и стремления. Вы согласны со мной?

— Согласны, конечно! — ответила за всех яркая блондинка в васильковом костюме.

— Господа, администрация города выходит с предложением создания Центра искусства и ремесел для детей и юношества.

— Но у нас вроде есть подобное заведение — Дом детского творчества... — удивился полный мужчина с бритой головой.

— Весомый аргумент! — с готовностью парировал Сопронов. — Я знал, что он прозвучит. Но какова, так сказать, пропускная способность Дома? Тысяча двести! А ребят от восьми до пятнадцати лет у нас около пяти тысяч.

— А где взять такое здание, чтобы разместить всех желающих? — спросил сухопарый мужчина с желчным лицом, исподлобья глядя на Сопронова.

— Используем пока бывшую фабрику бытовых услуг. На ремонт деньги найдем. Но что касается материальной базы...

Лариса сидела в одном из последних рядов зала для заседаний, слушала Сопронова, мысленно соглашаясь с его доводами, но особого интереса не проявляла. Да что и говорить, детей у нее пока не было, а голову распи-

рали собственные проблемы, наплывавшие одна на другую, как морские валы. Взять хотя бы неразбериху, начавшуюся с резкого скачка цен на продукты питания. Производители ни с того ни с сего поставили ее перед фактом, набросив на отпускную стоимость существенную наценку, а ей ничего не оставалось, как автоматически поднять свои, оптовые цены. И вскоре пошло-поехало! Комиссии, проверки, ревизии... Хорошо еще, что бизнес у нее легальный, да и черной бухгалтерии почти нет, за малым исключением, конечно. Все пока обошлось, но нервы ей помотали — будь здоров! Одним словом, не до жиру, быть бы живу. «Так что, господин Сопронов, мы вам не помощники, — размышляла Лариса, рассеянно слушая чиновника. — Есть в городе кое-кто и побогаче, трясите их. А нам, как говорится, лишь бы ночь простоять да день продержаться».

Ее взгляд, блуждавший по головам сидящих в зале людей, в который раз задержался на кудрявой шевелюре бывшего одноклассника, а ныне директора пятой школы Валерия Понедельникова. Из-за неординарной фамилии ему не раз приходилось вступать в схватки с зубоскалами, дразнившими его то Вторниковым, то Подельниковым, а то и совсем

уж обидно, например Пододеяльниковым. Тихий отличник, очкарик, воспитанный в неполной семье, Валерик неумело защищался, но держался с достоинством, не плакал и не жаловался. А в девятом классе произошел инцидент, после которого Валерия оставили в покое даже самые отъявленные из школьных недорослей.

В тот день, на большой перемене, Лариса с Викой стояли возле зеркала и прихорашивались. Проходивший мимо верзила Шигин из десятого класса отпустил в их адрес непристойную шутку. Понедельников, случайно оказавшийся рядом, все слышал. На его бледном лице выступили красные пятна, карие глаза полыхнули гневом. Не раздумывая, он встал к Шигину вплотную и сквозь зубы выдавил: «Мразь!» Шигин вначале оторопел, затем матюгнулся и растопыренной пятерней толкнул Валерия в грудь. Толчок был сильным, но Понедельников лишь отступил на шаг и остался стоять, по-бычьему наклонив голову и с ненавистью глядя на противника. Дальше произошла сценка, которую еще долго обсуждала вся школа. Рассвирепевший хулиган с кулаками кинулся на Валерия, но через пару секунд лежал, поверженный, на полу. Как выяснилось позже,

Понедельников давно занимался в секции дзюдо и применил по отношению к Шигину элементарную подсечку.

Лариса еще в пятом классе поняла, что Валера неравнодушен к ней. А в одиннадцатом он признался в любви. Правда, не в виде классической фразы из трех слов. Это походило скорее на игру, веселую, небрежную, сквозь которую Лариса слышала трепет любящего сердца. Да и взгляд его лучащихся карих глаз говорил сам за себя.

На факультативе по математике у нее закончилась тетрадь. Оглянувшись на сидящего за ней Валерия, она спросила:

— Лишнего листочка не найдется?

— Для тебя даже тетрадь найдется, — тихо ответил он и достал из сумки новую тетрадку.

— У-у, какой запасливый! Может, у тебя и еда какая-нибудь завалялась? А то до дому не дотянуть.

— Яблоко сойдет?

— Еще как!

— Держи.

— Ну ты, Валерка, просто факир какой-то! Спасибо за щедрые дары.

— Пустяки! Мой факирский ящик всегда к твоим услугам...

Их диалог был прерван резким окриком математички, немолодой, измотанной жизнью женщины, тянувшей лямку в две с половиной ставки, а потому далекой от романтических отношений между учениками. Ничего не поделаешь, пришлось снова окунуться в основы математического анализа.

После занятий они вместе вышли на школьное крыльцо. Странно, но недавняя веселость куда-то испарилась. Он молчал, смущенно отводя глаза, а она, привыкшая к повышенному вниманию парней, в сущности равнодушная к Валеркиным сердечным терзаниям, бросила на ходу: «Гуд-бай, Понедельников! Спасибо за яблоко!» — и упорхнула, не оглядываясь и ни о чем не жалея.

Да и что ей этот Валерка, если вся душа изболелась по Антону Кронбергу, парню из параллельного класса. По нему сохли многие. Синеглазый красавец с аристократичной внешностью — тонким с горбинкой носом, чуть впалыми щеками, надменной посадкой головы — не отдавал должного предпочтения ни одной сверстнице. Перебирал одну за другой, играя роль ветреного героя-любовника, пока все сколько-нибудь симпатичные девчонки не вошли в список его «побед». В неприступ-

ных держалась одна-единственная — Лариса Хомутова. Сгорая от любви, она делала вид, что Антон ей «до лампочки». На дискотеках проходила мимо него, нарочно отвернувшись, и ни разу не пригласила на «белый танец». Да еще издевалась, отказывая и смеясь прямо в лицо, когда он, прошагав через весь зал под ревнивыми взглядами девчонок, останавливался перед ней и бархатным баритоном звал на медленное танго.

Потом ей часто снились его растерянный взгляд и вспыхнувший румянец на впалых щеках. Она даже плакала во сне, от обиды и злости на себя.

Что руководило ею в то неповторимое время первой любви? Какая нечистая сила толкала наперекор сердцу? Почему она не пряталась с любимым мальчиком в укромных местах школы, как это делали ее подруги, в пору тайных, сумасшедших, самых сладких, вытягивающих наружу все нутро поцелуев?

Даже теперь, по прошествии многих лет, она не ответила бы на эти вопросы. А с Валерием жизнь сталкивала ее дважды. Один раз на свадьбе Вики, второй — в командировке. Они встретились на вокзале, а потом ехали в одном поезде. Всю дорогу простояли возле ее

купе — болтали, смеялись, вспоминая детство, но до признаний дело не дошло. Лариса всем своим видом показывала, что иначе как однокашником его не воспринимает. Умный, воспитанный человек, он и не лез со своими чувствами. Впрочем, они легко читались в его глубоких и бесконечно грустных глазах.

Лариса зябко повела плечами, припомнив случайную встречу с матерью Валерия. Зачем та разоткровенничалась, раскрыв тайну сына? Неужели надеялась растопить лед Ларисино сердца? Но ведь любовь не вымолишь. До сих пор ей становится не по себе, когда перед мысленным взором встает эта кроткая, тихая женщина с жалобами о сыновьих сердечных страданиях, не утихших со временем, превратившихся в хроническую болезнь.

Лариса вздрогнула от неожиданности, когда дверь зала заседаний открылась, и на пороге показался Алексей Иванович Азаров. Его появление вызвало общее оживление. Сопронов кинулся навстречу и долго тряс его руку в крепком рукопожатии.

С приходом Азарова совещание, получив новый импульс, покатило по другой, «конструктивной» колее. От машзавода зависело многое — и в первую очередь выделение средств на

капитальный ремонт старого здания. Кроме того, энергичный Сопронов не преминул закинуть удочку насчет оборудования, необходимого для ведения некоторых кружков.

Алексею Ивановичу Азарову, главному инженеру завода и одновременно депутату городской Думы, ничего не оставалось, как сдержанно соглашаться с неоспоримыми доводами выступающих. Его усталое лицо вызывало в Ларисе сочувствие. «И чего они навалились на одного?» — негодовала она, нервно теребя ремешок сумки, лежащей на коленях.

Наконец дебаты закончились, народ потянулся к выходу. Лариса, желая остаться в тени, скользнула в распахнутую дверь, но в этот момент ее позвали. Оторвавшись от своей собеседницы, дамы в васильковом костюме, Сопронов властно, хотя и вежливо воскликнул:

— Лариса Сергеевна! Останьтесь на пару минут, прошу вас!

Чувствуя себя провинившейся школьницей, Лариса вернулась к трибуне, возле которой стояли эти двое. Васильковая дама попрощалась и, смерив Ларису с головы до ног любопытным взглядом, удалилась.

— Дорогая Лариса Сергеевна, у нас к вам необычное предложение, вернее, просьба. Но